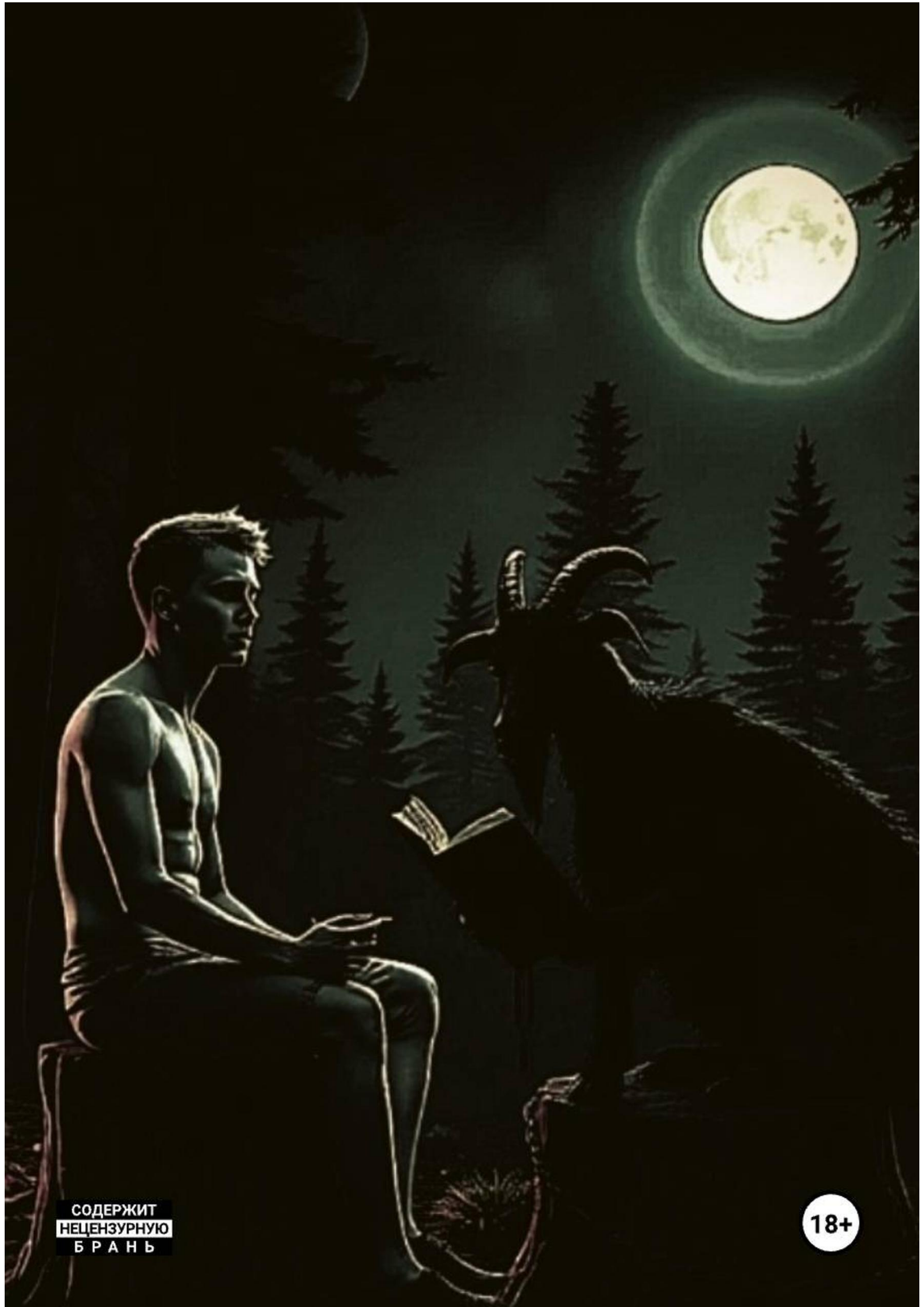

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лев Младич

Ноябрь

«Автор»

2026

Младич Л.

Ноябрь / Л. Младич — «Автор», 2026

Он уехал из Пензы. Покорил Москву. Стал психотерапевтом. Купил студию на двадцатом этаже. И понял: всё это — пустота. Чем выше поднялся, тем глубже яма. А потом приходит письмо. Старое. Без обратного адреса. Ключ. Адрес. Дом в лесу. Он думал, что сходит с ума. А лес думал иначе. Лес ждал. Лес звал. И он пошёл. Мистический хоррор о том, что бывает, когда всё, о чём мечтал, сбывается — и оказывается ничем. И о том, что кровь помнит больше, чем ты.

© Младич Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8

Лев Младич

Ноябрь

Глава 1

Пробуждаюсь. Не знаю, где. Тело моё лежит на чём-то мягком и влажном.

Я встаю. Медленно. Как будто впервые. Как будто тело моё чужое. Я не помню, как оно двигалось раньше.

Вылезаю из берлоги. Она поросла мхом. Зелёным, влажным, холодным. Снаружи лес. Северный. Высокие сосны. Тишина. Но не та, которая успокаивает. А которая притаилась. Которая ждёт. Ждёт меня.

Делаю шаг. Нога утопает в мягком, вязком грунте. Он держит меня. Он не хочет отпустить. Я иду. Не знаю куда. Но иду. Слышу дыхание леса. Странное чувство. Мне здесь уютно. Спокойно. Как будто я дома. Как будто здесь, я нужен.

Делаю несколько шагов. Останавливаюсь. Вглядываюсь куда-то вглубь леса. Сквозь вязкий влажный воздух. На мне ничего. Буд-то я только что был рождён этой самой берлогой, откуда вылез.

Смотрю чуть выше. На ветке хвойного мощного дерева Сова. Большая. Светло-серая. Смотрит на меня. Неподвижно. Не ухая. Просто смотрит. Даже не моргая. Я смотрю в ответ. И чувствую: она знает что-то. Что-то, чего я не знаю. Но узнаю. Скоро.

Просыпаюсь. Снова утро.

Глава 2

Будильник. Сентябрь. Москва. Шум города за окном. Лежу. Смотрю в потолок. Как на крышку гроба. Сердце колотится. Вдыхаю с жадностью воздух. Рука тянется к тумбочке. Там сумка. В ней блистер. Рука дрожит. Выдавливаю капсулу. Глотаю. Запиваю водой из бутылки, что стоит на полу.

Встаю. Крепкий чай. Душ. Смотрю в зеркало. На меня смотрит человек. Лет тридцати пяти. Атлетично сложен. Физически крепок. Но... какой-то усталый. Какой-то пустой. С глазами, которые видели всё. И ничего. Я не знаю этого человека. Но я, это он.

Выхожу. Москва. Пробки. Люди. Тени. Все куда-то идут. Все что-то хотят. Все верят, что там — лучше. Где-то там. За поворотом. За углом. Через улицу. Через одну станцию метро. Через выгодный контракт на работе. Через связи. За горизонтом. За смертью. Тьфу блять. Скукота.

Я не верю. Я уже знаю: там... то же самое. Я проверял. Я там был. И там нет нихуя нового. Я уверяю вас.

Метро. Толпа. Тела. Чужие. Все дышат. Все пахнут. Все живут. И я тоже. Такое же тело. Дышу, верю во что-то и пахаиваю. Я — существую. Как функция. Как механизм. Жду вечера. Чтобы принять. Чтобы забыть. Чтобы не быть. И по кругу.

Кстати что у нас завтра? Точно. Вернувшийся с войны пациент. Ладненько.

* * * * *

Кабинет. Патриаршие. Маленькая комната. Кушетка. Кресло. Стол. Лампа. Часы. За окном белый шум Москвы.

Я сижу. Жду. Первый клиент в десять. Я смотрю на часы. Без пяти. Сейчас придёт. Сейчас начнётся. Сейчас я снова буду кивать. Слушать. Говорить: «Я понимаю». А сам не понимать. Я давно перестал хотеть понимать.

Звонок. Дверь. Входит.

Мужчина. Лет сорока. Большой. Широкий. Но сжатый. Как пружина. Которая вот-вот лопнет. Или уже лопнула. Глаза пустые. Как у меня. Но у него по другой причине. У него — война. У меня — жизнь.

Он садится. Молчит. Смотрит в пол. Я жду. Он поднимает голову. Начинает.

— Я не сплю. Совсем. Только если... — он замолкает.

— Если что? — спрашиваю я.

— Если пью. Или... — он снова замолкает. Я киваю.

— Понимаю. Я понимаю. Это Классика. Вы пережили, не хуёво высокую, эмоциональную амплитуду, — говорю я.

— Там, на войне. Всё было ярко. Всё было настоящее. Жизнь и смерть. И вы. И враг. И страх и ярость и выживание. Амплитуда. Максимальная.

Он смотрит. И он удивлён моим словам. Слушает.

— А здесь... пусто — я посмотрел в окно. И не отводя от него взгляда продолжил:

— Здесь серо. Здесь пробки. Работа. Долги. Люди, которые не понимают, что можно по другому. И к моему глубочайшему сожалению, не поймут. Никогда. Потому что они не были там. Они не знают. И не узнают.

Он кивает. Медленно. Как будто я говорю то, что он сам знает. Но не может сформулировать.

— Разумеется, — продолжаю я, — что здесь, в этом мире, будет не так. Будет пусто. Будет тихо. Будет никак. И это нормально. Для вас. Для того, кто вернулся. Нужна компенсация

— Какая? — спрашивает он. Голос хриплый, потерянный.

— Можно вернуться назад, — говорю я...

— Туда. Где амплитуда. Где жизнь. Где выживание.

Он молчит.

— А можно искать смыслы здесь. В этом мире. В пробках. В работе. В людях. Но это долго. И не факт, что найдёте.

Он молчит.

— А можно... — я открываю ящик стола. Достаю бланк. Розоватый. Рецептурный. Кладу на стол. Беру ручку. Пишу.

— Можно компенсировать. Химически.

Он смотрит на бланк.

— Это не решение, — говорю я.

— Это, костыль. Но с ним полегче. С ним можно спать. С ним можно дышать. С ним, можно ещё пожить. Пока что. Потом посмотрим. Потом решим. Что делать. Куда идти. Как быть.

Я протягиваю ему рецепт. Он берёт. Смотрит. Не понимает. Или делает вид.

— Без этого, друг мой, — говорю я, — дело дрянь. Жду тебя через пару недель.

Он встаёт. Кивает. По глазам его, я видел. Да я и понимал. Он доволен. Уходит. Дверь закрывается. Тишина.

Я остаюсь. Один. Смотрю на стол. На бланк. На ручку. На свои руки. Руки, которые выписывают рецепты. Руки, которые лечат. Руки, которые сами — больны.

Я открываю ящик. Достаю свой блистер. Выдавливаю капсулу. Глотаю. Запиваю водой.

Глава 3

Вечер. Возвращаюсь домой. Захожу в подъезд. Лифт. Давлю кнопку двадцатого этажа. Дверь. Ключ. Замок. Щелчок. Я дома.

Студия. Одна комната. Кровать. Стол. Панорамное окно на Котельники. На пробки. На муравейник. Смотрю на него сверху. Как с неба. Как с того света.

Заварил чифир из пуэра. Курю. И понимаю: это — хуйня.

Всё это — обвожу взглядом комнату — вот это вот всё... хуйня.

Угрозило же меня, далбоёба, жизнь отдать ради вот этой... хуйни. И продолжать отдавать. Каждое ёбаное утро. Ёбаное метро. Психопаты пациенты. Такие же, как и я. Ну как тут не ёбнуться? Меня начинают пугать люди, у которых всё в порядке с головой в наше время.

Чем лучше условия, тем больше нужно. Больше приёмов. Больше таблеток. Порошков. Проработок блять. Чем больше приобретаешь материального, тем больше теряешь себя самого.

А это — показатель. Значит, что-то не так. Очень даже что-то. Не в стране. Не в мире. Во мне.

И что это за сны, которые в последнее время, всё чаще и чаще меня навещают. Сначала раз в месяц. Потом раз в неделю. Теперь — каждую ночь.

Этот лес. Место это. И жуткое и родное в тоже время. И это чувство, что я там нужен. Что меня ждут там.

А здесь, нет. Здесь, не дома. Здесь, командировка. Долгая. Слишком долгая.

Докуриваю. Хруст блистера. Отбой.

* * * * *

Берлога. Лес. Мох. Сосны. Притаившаяся тишина.

Шагаю. Ноги вязнут в грунте.

На ветке сова. Смотрит. Не ухает.

Слышу шёпот. Ближе. Громче. Не слова. Как будто лес говорит. Как будто его дыхание.

Чужое. Но знакомое.

Я иду. Между сосен. Вижу. Далеко. Силуэт. Женский. Или нет. Не понимаю. Далеко. Ноги ватные.

Делаю шаг. И — просыпаюсь.

Будильник. Утро. Москва. Тишина.

Сердце колотится.

Лежу. Смотрю в потолок. Думаю: а что, если это, не сон? Что, если это то, что происходит на самом деле? А всё это — Москва, студия, работа, таблетки — это и есть сон? Долгий. Слишком долгий. И я всё никак не проснусь.

Встаю. Чай. Душ. Зеркало. Человек. Тридцать пять. Усталый. Пустой. Но в глазах — Что-то. Новое.